

Edgardo Cozarinsky
(*Buenos Aires, Argentina*)

MY OWN PRIVATE ODESSA*

Я никогда не бывал в Одессе.

Моя мать родилась в Буэнос-Айресе, и об Одессе знала лишь понаслышке, от своей матери, моей бабушки, которой я не застал в живых – когда она умерла, маме было всего тринадцать.

Но это имя – Одесса – то и дело всплывало в маминых воспоминаниях, особенно когда ей хотелось подчеркнуть некое превосходство бабушкиной родни над дедушкиной.

«Да уж, одевалась мама с большим вкусом. Оно и не удивительно, как-никак одесситка!» «А уж до чего мама оперу любила! Одно слово, одесситка, что тут скажешь».

Так я и вырос с этим представлением об Одессе. Утончённый, просвещённый, преуспевающий город.

Сразу оговорюсь – речь шла о совершенно умозрительном образе, не подкреплённом ни одной фотографией, ни одной открыткой с изображением Одессы – ввиду полного отсутствия таковых в нашем доме.

Со временем любопытство моё как-то поугасло.

Позже, уже став взрослым, я проникся почти некрологической любовью ко всем этим торговым средиземноморским городам – разноплеменным, разноязыким, – которых не пощадил минувший век с его национализмом. Смирна, Салоники, Александрия... Вот тут-то один мой приятель и указал мне на то, что Одесса, не будучи, строго говоря, городом средиземноморским, тем не менее соединяет в себе все черты, что так привлекали меня в тех, других городах.

Можно ли сравнить годы Советской власти с тем порядком вещей, который разрушил другие мои города? Думается, вряд ли; тем не менее, когда я прочитал Исаака Бабеля и поймал себя на том, что испытываю не слишком похвальную нежность к такому персонажу, как Бенья Крик, мне стало ясно: всё, пора наносить Одессу на мою воображаемую карту. Там, рядышком с моими сказочными городами, ей самое место. Этот образ не приёдался, не тускнел – тут уж даже знаменитый эйзенштейновский фильм оказался бессилён.

* This short essay was written by the famous Argentinean writer and filmmaker Edgardo Cozarinsky specially for this conference.

В 1993 году я пластом пролежал три недели кряду в парижской больнице. Меня накачивали лошадиными дозами антибиотиков внутривенно – глотать препараты в таких количествах было нельзя, организм бы просто не выдержал. Инфекция, поселившаяся в позвоночном диске, грозила пробраться в спинной мозг и до конца моих дней приковать меня к постели.

Я попросил карандаш и бумагу и начал писать. Это был текст, которые многие потом сочли пересказом моей собственной семейной истории, хотя на самом деле если и есть в нём что автобиографическое – так это последний абзац, когда рассказчик признаётся, что пишет эти строчки на больничной койке.

Тема рассказа «Невеста из Одессы», которому сборник, увидевший свет два года спустя, обязан своим названием, – сквозная для многих моих книг. Это мерцающий, колеблющийся характер еврейской идентичности. Не всем моим читателям-евреям такой мой подход пришёлся по душе, но мне, ощущающему кровное родство с любой диаспорой, сколько их ни было на земле на протяжении истории человечества (замечу, что это, пожалуй, единственное знакомое мне чувство принадлежности) – так вот, мне от этой темы уже, как я понимаю, никуда не уйти.

Я уцепился за этот рассказ, как утопающий цепляется за спасательный круг, – и выплыл. В то время я был уже немолод, и угроза смерти или пожизненной немощи заставила меня осознать одну вещь: оказывается, я из года в год откладывал «на потом» то, что было истинным моим призванием. После «Невесты из Одессы» я принялся писать и публиковать написанное с таким остервенением, будто от этого зависело – жить мне или умереть. Должен сказать, что вся одесская топография, которая встречается в моём рассказе, взята мной из справочников, путеводителей, энциклопедий, рассказов очевидцев. И я очень горжусь тем, что некоторые мои читатели, знающие город, хвалили меня за то, что я верно, по их словам, отобразил атмосферу Молдаванки или парка, который в наши дни называется парком Шевченко.

Отважусь ли я за те годы, что мне отмерены, приехать в город, который я себе вообразил, – чтобы встретиться с ним – настоящим? Я безуспешно искал его, этот свой город, вглядываясь в кадры «Борца и клоуна» – спору нет, Борис Барнет снял очаровательный фильм, но, увы, Одесса в нём показана более чем скупое. Признаюсь, я иногда подолгу блуждаю по Интернету в поисках тени, силуэта, отзвука моего города-призрака – вымышленного, книжного, выдуманного будто нарочно для того, чтобы я сочинил его снова.

Буэнос-Айрес, 2013